

Д. З. Хайретдинов

**МНОГОГРАННАЯ РАБОТА
И. А. ЗАРИПОВА — ВАЖНЫЙ ШАГ
ПО ВОЗРОЖДЕНИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОГО
ИСЛАМСКОГО БОГОСЛОВИЯ**

Рецензия на книгу: *Зарипов И.* Теологические исследования ислама: корановедение, джадидоведение, бигиевистика // Московский исламский ин-т; под общ. ред. Д. В. Мухетдинова. — М.: ИД «Медина», 2024. — 280 с.

ХАЙРЕТДИНОВ Дамир Зинюрович —

канд. ист. наук, рук. Центра исламских исследований.

Московский исламский институт

(109382, Россия, г. Москва, пр. Кирова, д. 12).

E-mail: khair2009@yandex.ru

К печати подготовлена новая работа имам-хатиба Московской Соборной мечети Ислама-хазрата Зарипова «Теологические исследования ислама: корановедение, джадидоведение, бигиевистика». Название книги говорит само за себя: она объединяет авторские статьи по разным направлениям исламской теологии. Начинаящий российский богослов соединил в новом издании свои наработки по таким темам, как, например, *тафсир* (расширенный комментарий) к 77-й суре Корана, статьи-исследования об экономических воззрениях мусульманских мыслителей Российской империи периода становления капитализма и изучение влияния видного богослова первой половины XX века Мусы Бигиева на татар Финляндии. Широта охвата разных богословских областей, от сугубо теоретических до практических, сама

по себе характеризует автора как разностороннего, подающего большие надежды исследователя.

Другая сторона издания кратко описана во вступительном слове муфтия шейха Равиля Гайнутдина: «Благодаря таким специалистам, как И. Зарипов, преодолен разрыв между сугубо религиозным взглядом на исторический процесс, характерным для Средневековья, Нового времени, и академичным, светским подходом, не учитывающим религиозный фактор... Отечественная история ислама пишется на новом уровне смысловой глубины с использованием всей широты инструментария научного познания».

Рассмотрим более пристально отдельные статьи Ислама-хазрата Зарипова, представленные в новом издании, чтобы попытаться сделать выводы о пристрастиях и идеологическом векторе автора. В статье «Ревелятивное и рациональное в экзегетической методологии Табари (839–923)» анализируются основные идеи средневекового основателя собственного мазхаба, основоположника классической коранической экзегетики, автора тафсира Корана и мусульманского историографа Мухаммада ибн Джарира ат-Табари. И. Зарипов, хотя и не ставит перед собой цель воссоздать полную биографию этого крупного теолога, считает необходимым остановиться на такой детали: «Быстро набиравшие популярность у багдадской толпы ханбалиты не только приводили словесные доводы, безосновательно обвиняя оппонента [имам Табари] в приверженности джахмизму и шиизму, но и часто забрасывали великого ученого, его дом и учеников камнями» (с. 18). Автор характеризует имама Табари как сторонника «умеренного рационализма», который, к примеру, считал разрешенным занимать женщинам пост [религиозного] судьи. В экзегетике Табари автора также привлекают рациональные методы имама. Исследуя его разбор этимологии слова «Аллах», И. Зарипов делает вывод: «[Табари] доказывает, что это не есть имя собственное, как полагают некоторые, а обозначение того, кому поклоняются и кого обожествляют. Эта позиция Табари весьма актуально вписывается в сегодняшнюю полемику о переводе слова «Аллах» на другие языки» (с. 28).

В статье «Джадидистская экономика: татарские религиозные реформаторы о кораническом запрете ростовщичества» автор изучает экономические концепции, сложившиеся в мусульманской умме Российской империи в конце XIX — начале XX века. Социально-исторический и политико-экономический контекст были ключевыми для появления джадидизма — реформаторского направления в исламе той эпохи. При этом «общим в методологии джадидов был отказ от слепого следования средневековым богословам (*таклид*) и *иджтихад* — установка на самостоятельное извлечение богословско-правовых положений из первоисточников с учетом социально-экономических и региональных

особенностей» (с. 79). Например, и тогда, и сегодня проблема кредитно-банковской деятельности была одним из ключевых вопросов «богословско-правового реформаторского дискурса». В частности, Мухаммад-Наджиб Тюнтери (1863–1930) подходил к решению вопроса следующим образом: запрет на ростовщичество при бартерном обмене — лишь средство для ограничения *риба* (запрещенного Кораном ссудного ростовщичества), которое в случае необходимости для общественной пользы может быть снято. Банковские операции, по его мнению, основывают свою работу на принципе долевого участия — *мудароба*, которые приносят огромную пользу экономическому развитию (с. 83). Закир Аюханов (1889–1961) видел предметом *иджтихада* все, что не оговорено в Коране и Сунне, а под запрещенным инструментом *риба* он понимал одностороннее увеличение возвратной суммы долга со стороны кредитора, широко распространенное у арабов во времена Пророка. «На основе этого З. Аюханов делает вывод о дозволенности с точки зрения ислама всех видов банковских операций, за исключением повышения процентной ставки по кредиту или начисления пени в случае несвоевременной выплаты» (с. 86). Самый известный мусульманский богослов-реформатор России Муса Бигиев дискутировал с Аюхановым и выделял два вида ссуды — потребительскую (запрещенную, на его взгляд, исламом) и производственную, вполне допустимую. «Считая в общем возможным при условии соблюдения такого разграничения участие мусульман в работе общих кредитных учреждений, он [М. Бигиев] в то же время уделяет особое внимание необходимости создания отдельного мусульманского банка» (с. 88).

Совокупность этих и подобных им идей легли в основу исламского банкинга, начавшего свою фактическую деятельность в ряде арабских стран (Египет, Иордания, Кувейт, ОАЭ) только в 1970-е годы и достигшего расцвета в начале XXI века. Татарские богословы-реформаторы, таким образом, не увидели результаты своих разработок — однако современные мусульмане всего мира, включая и Россию, пользуются плодами этих идей, в свое время беспощадно критиковавшихся оппонентами-консерваторами.

Таким образом, бесспорным представляется интерес автора сборника к теме мусульманского реформаторства. Порой он делает неожиданные выводы, доказывая, что сторонниками джадидизма являлись имамы Московской Соборной мечети (где в наши дни служит в качестве имам-хатиба и сам автор — Ислам Зарипов) — Абдульвадуд Фатахетдинов (1882–1954), Ахметзян Мустафин (1902–1986) (с. 117–128, 131–132). Наибольший интерес автора заслуженно вызывает фигура мирового масштаба — Мусы Бигиева (1875–1949), которого, между прочим, в первые годы советской власти часто также ассоциировали с московской мусульманской *уммой*. В рецензируемом издании

Бигиеву посвящено много материалов, в том числе пять авторских статей, объединенных в раздел «Бигиевистика» (по объему занимающие ровно одну треть сборника). Революционные идеи Бигиева до сих пор вызывают ожесточенные дискуссии в среде богословов и действующих религиозных лидеров, и не только в России; что уж говорить о временах, когда Муса-эфенди только начинал свою бурную деятельность?! Опередившими свою эпоху на столетия являются такие важные идеи ученого, как концепция о всеохватности Божественного милосердия (причем Бигиев вовсе не был ее автором, но лишь популяризатором средневековых мыслителей: Ибн ал-Араби, Дж. Руми и др.) или дозволенность перевода Корана на родной язык (данная идея до сих пор отвергается целым рядом консервативных имамов и религиозных институций, включая российские).

Религиозные авторитеты начала XX века называли Бигиева «мусульманским Лютером»; они полагали, что тем самым очерняют татарского богослова. Но время расставляет эти деяния на свои места, хотя это не всем мусульманским активистам очевидно даже сегодня — консервативная публика по-прежнему эксплуатирует архаичные идеи, не понимая ни стратегических целей религии, ни общего состояния застоя в этой сфере. Современные политологи, внимательно отслеживающие общественные процессы в странах исламского мира, считают, что мы живем в преддверии великой реформы ислама — подобно появлению протестантизма в христианстве в первой половине XVI века (при том, что мусульманский мир, живущий по календарю хиджры, находится в середине XV века). Между прочим, и самому Бигиеву чрезвычайно импонировала социальная среда именно протестантской страны — Финляндии. Произойдут ли изменения в мировоззрении мусульман — будет видно со временем, но идеи Бигиева и других мусульманских богословов-реформаторов живы и находят отклик у современных деятелей. В этом плане Ислам-хазрат Зарипов — не просто любитель, но вполне состоявшийся специалист в области джадидизма, причем работающий с огромным числом источников на разных языках.

Следует указать, в качестве дополнения к источниковой базе автора, что большое число уже введенных в оборот и еще не выявленных документов по темам его научного интереса содержатся в различных российских архивах, в том числе Москвы, Санкт-Петербурга, Уфы, Казани, Ростова-на-Дону и т. д. Будем надеяться, что некоторый массив этих источников удастся приобщить к новым работам И. А. Зарипова в обозримом будущем.